

ИНФИНИТИВНЫЕ И ФИНИТНЫЕ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЗАВИСИМЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ С СОЮЗАМИ ЧЕ И ДА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Александр Летучий^а, Марина Джонова^б

Национальный исследовательский университет Высшая школа
экономики^а, Софийски университет „Св. Климент Охридски“^б

alexander.letuchiy@gmail.com^а, djonova@slav.uni-sofia.bg^б

Резюме. В статье сопоставляется распределение стратегий управления сентенциальными актантами в русском и болгарском языках. Для русского языка ключевым является противопоставление финитных актантов (прежде всего, с союзами *что* и *чтобы*) и инфинитивных зависимых. Чаще всего они соотносятся как маркеры конструкций с кореферентностью vs. без кореферентности актантов, однако это не всегда так. В болгарском языке инфинитив отсутствует, однако во многом функции инфинитива несут зависимые клаузы с *да*. Существенные различия обусловлены наличием финитного глагола в зависимой клаузе с союзом *да*. Как мы покажем, оппозиции между *что / чтобы* и инфинитивом в русском и между *че* и *да* в болгарском отчасти сходны между собой, хотя в строгом смысле нефинитность есть только в русских инфинитивных конструкциях. Мы проверим соотношение вариантов маркирования зависимых с кореферентностью и со временем, а также покажем отклонения от стандартных типов контроля в русском языке. В русском языке в инфинитивных предложениях субъект главной клаузы контролирует PRO. Поскольку в болгарском языке нет инфинитива, мы не можем говорить о наличии контроля PRO. Сравнительный анализ проводится с учетом наличия/отсутствия обязательной кореферентной связи между субъектом матричной клаузы и субъектом зависимой клаузы.

Ключевые слова: *модальные предикаты, фазовые глаголы, предикативы, инфинитив, ирреальность, частичный контроль, совмещённый контроль, строгий контроль, кореферентность*

1. Понятие финитности

В нашем исследовании мы описываем в сопоставительной перспективе аргументные придаточные предложения (сентенциальные актанты) в болгарском и русском языках. Нас в основном интересует вопрос, существует ли в обоих языках контроль субъекта зависимой клаузы и совпадают ли эти конструкции

* Александр Летучий, Марина Джонова. Инфинитивные и финитные сентенциальные зависимые в русском языке и их соответствия с союзами *че* и *да* в болгарском языке. – В: Св. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 485–509.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.17>

с контролем в двух языках. Помимо этого, мы проверим, в какой мере синтаксические свойства соотносительных конструкций в двух языках соответствуют друг другу. В данном исследовании используются данные Болгарского национального корпуса (search.dcl.bas.bg, см. Коева et al. 2012) и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Часть примеров, иллюстрирующих нестандартные явления в неформальной речи, взяты из текстов прессы и неофициальной интернет-коммуникации.

В русских предложениях с финитным глаголом в качестве матричного предиката и инфинитивных зависимых наблюдается контроль PRO при инфинитиве. Кроме этих конструкций, в нашей работе мы также рассматриваем предложения, в которых матричным предикатом является конструкция с предикативом. Мы обратим внимание на случаи, когда в инфинитивной клаузе нет контроля PRO – то есть в главной клаузе нет актанта, кореферентного PRO.¹

Поскольку в современном болгарском языке инфинитив отсутствует, сопоставление с русским дает возможность поставить вопрос о том, в какой степени *да*-конструкции, заменяющие инфинитив, также наследуют его характеристики, а в какой скорее приближаются по своим характеристикам к придаточным предложениям с союзом *че* (и русским эквивалентам со *что*).

Изначально понятие финитности не является элементарным и допускает по меньшей мере два понимания: одно из них – собственно синтаксическое, другое – морфологическое.

При синтаксическом понимании финитной называется форма, которая способна быть сказуемым независимого предложения (или для которой это является главной функцией). Например, русские индикативные формы финитны (хотя способны выступать и в зависимых клаузах), тем более финитны императивы.

При морфологическом понимании речь идёт о наборе категорий. Наиболее финитными считаются те формы, которые имеют максимальный набор категорий, связанных с речевым актом, его соотношением с другими событиями, его участниками и условиями. К ним относятся время, модальность, лицо, число участников, эвиденциальность, косвенно – вид. И если индикативные формы финитны и по этому критерию, то для императива это не так. Императив имеет только второе лицо и не имеет категории времени: в этом смысле он составляет отдельный речевой акт и в меньшей мере соотносится с другими ситуациями и их участниками. Деепричастие по данному соображению менее финитно, чем причастие, которое имеет практически полную парадигму времен и видов, хотя стандартно и та, и другая форма относятся в грамматиках русского и болгарского языков к нефинитным².

¹ Отметим сразу же, что мы говорим о PRO только для инфинитивных клауз, хотя возможны и другие точки зрения.

² См. в частности (König, Haspelmath 1995) о различии деепричастий и других глагольных форм.

2. Семантика состояния

Тема нашей статьи не связана напрямую с семантикой состояния, однако и не независима от нее. Во-первых, в целом многие группы глаголов в русском языке, которые сочетаются и с финитными, и с нефинитными зависимыми, – это стативные предикаты: эмоциональные, модальные, фазовые и т. д. Напротив, глаголы речи, не обозначающие состояние, как правило, не допускают инфинитивных зависимых в русском языке (если не считать моделей типа *Он сказал мне выйти / Той ми каза да изляза*, которые переносят глагол из собственно речевой группы в группу глаголов вербальной каузации). Во-вторых, как мы покажем ниже, различия между глаголами и предикативами в моделях управления тоже отчасти связаны с акциональностью и семантикой состояния (см. также Падучева / Paducheva 2004: 307–311 и далее о различии в аспектуальном поведении у предикатов разных групп, в том числе ментальных и речевых). В-третьих, вообще процент глаголов состояния среди матричных предикатов, присоединяющих сентенциальные актанты, довольно высок. Если с пациентивными физическими объектами часто сочетаются моментальные и процессуальные предикаты типа *разбить, порвать, открыть, обработать, подстричь*, то ситуативные зависимые стандартно не могут подвергаться воздействию. Коль скоро такие контексты не содержат компонента затронутости, нет и связи с процессуальной семантикой, при которой динамика процесса подразумевает увеличение затронутой части / степени затронутости объекта (см., например, Nopper, Thompson 1980; Kulikov 1999 о связи между семантической транзитивностью, семантическим классом и аспектуальными свойствами глагола).

3. Финитность в русском и болгарском языках

Системы форм глагола и, в частности, противопоставление по финитности в русском и болгарском языках существенно различаются.

1) Инфинитив.

Основное различие состоит в том, что в русском языке есть инфинитив, а в болгарском его нет. Одной из особенностей болгарского языка, отличающей его от других славянских языков, является утрата древнеболгарского инфинитива. Инфинитив используется для выражения глагольного действия, неопределенного в лице, числе и времени. Вместо инфинитива в новоболгарском языке используются аналитические конструкции, состоящие из *да* + личная форма глагола (Грамматика / Gramatika 1983: 35). Этот процесс является проявлением общей тенденции к замене в балканских языках инфинитива на союзные придаточные (см. Асенова / Asenova 2002: 149–152). Поскольку главное употребление инфинитива – актантное, можно считать, что специализированной формы для сентенциальных актантов в болгарском языке нет. В болгарском языке сентенциальные актанты вводятся с помощью

союзов *че, да, как, дали* или с помощью вопросительного местоимения (см. подробнее в Коева / Koeva 2021: 19–22). Способ оформления сентенциального актанта диктуется матричным предикатом, или, другими словами, определенные классы предикатов связаны с определенными типами придаточных предложений (Тишева / Tisheva 2001: 172; Коева / Koeva 2021: 16, 19; Osenova 2022). Вид придаточного предложения в русском языке зависит от совпадения/несовпадения актантов в главном и придаточном. В случае совпадения актантов двух клауз в группе глаголов с компонентом ирреальности придаточное предложение обычно инфинитивное (1.). Когда актанты не совпадают, придаточное является финитным и вводится с помощью *чтобы* (2.). Напротив, в болгарском языке союз, вводящий актантное зависимое, сам по себе не накладывает ограничения на субъект придаточного предложения. В примере (3.) глагол *искам* (хочу) требует употребления союза *да*. Придаточное предложение является финитным с субъектом, совпадающим с субъектом главного предложения (3.а.) или не совпадающим с ним (3.б.).

1. *Я хочу спать.*

2. *Я хочу, чтобы ты спал.*

3. а. *Искам да спя.*

Я хочу спать.

б. *Искам той да спи.*

Я хочу, чтобы он спал.

2) Диффузные формы.

В болгарском существенную роль играют формы с *да*, которые можно назвать диффузными. Эти формы имеют два варианта употребления – самостоятельное (4.) и зависимое (5.). Р. Ницолова отмечает, что «значение независимых *да*-форм можно в широком смысле определить как не-фактивность со следующими разновидностями: 1) *Да*-формы с императивным значением; 2) *Да*-формы с желательным (оптативным) значением; 3) *Да*-формы для возможного или возможного/необходимого действия; 4) *Да*-формы реального прошлого действия» (Ницолова / Nitsolova 2008: 409).

4. *Да отидем на кино.*

Пойдем в кино.

5. *Искам да отидем на кино.*

Я хочу, чтобы мы пошли в кино.

Подробный обзор точек зрения относительно статуса сослагательной функции *да*-формы в болгарских зависимых клаузах сделан в (Коева / Koeva 2021). Здесь мы принимаем определение Коевой: «*Да* имеет функцию эпистемически нейтрального союза, когда оно используется по аналогии с комплементизатором *че* и не служит для передачи последующего события, выраженного подчиненным предикатом» (Коева / Koeva 2021: 20).

Формы, способные выступать и в зависимой клаузе, и в независимой, есть и в русском. Однако в отличие от болгарского, одно из их употреблений гораздо более ограничено, чем другое. Например, русские формы с *бы* преимущественно используются в условных конструкциях с *если* и в сентенциальных актантах со *чтобы*.

6. *Мы хотим, чтобы ты уехал.*

7. *Если бы так случилось, я бы нашёл что сказать.*

В независимом употреблении у них довольно узкое модальное употребление – стандартно это побуждение по отношению к собеседнику или к третьему лицу:

8. *Поехал бы ты на море!*

4. Зависимый инфинитив при предикативах и временная локализация

Если у глаголов в русском языке субъект стандартно маркирован именительным падежом, то у предикативов субъект (одушевлённый участник) часто находится не в именительном, а в дательном падеже. В этом случае, с синтаксической точки зрения, дативное дополнение матричного предиката часто кореферентно PRO – нулевому субъекту инфинитива. Инфинитив при предикативах в русском языке имеет особые свойства. Стандартный инфинитив при матричном глаголе – это маркер кореферентности актантов, контроля PRO (неэксплицируемого субъекта при инфинитиве) одним из актантов главной клаузы. Одним из подтипов контроля PRO является строгий контроль («strict control» в терминах Stiebels 2007). Строгим контролем называется случай, когда при данном матричном глаголе конструкция без совпадения участников не встречается и, как правило, невозможна исходя из семантики глагола (**Он_i начал PRO_j играть в футбол*). Например, при фазовых глаголах стандартно фаза ситуации и сама ситуация включают одного субъекта – употребления типа *Он начал, чтобы я играл в футбол* обычно не встречаются и плохо согласуются с фазовой семантикой. При предикативах ограничения на употребление инфинитива слабее. Это видно из двух нестандартных свойств. Во-первых, инфинитив при предикативах может не иметь контролера:

9. *Конечно, было бы странно утверждать, что никаких изменений не произошло.* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)]

У предикатива *странно* нет актанта, который контролировал бы PRO при инфинитиве. Хотя *странно* имеет диатезу с дативным актантом (10.), в примере (9.) употребляется явно не она.

10. *Мне странно такое слышать.*

В (10.) дативный актант – это экспериенцер, тот, кто воспринимает ситуацию как странную и контролирует субъект инфинитива *слышать*. Напротив, в (11.) PRO должно контролироваться тем, в отношении кого такая ситуация воспринимается как странная. Однако, по нашему мнению, этого актанта у предикатива *странно* изначально нет. Мы принимаем точку зрения, выраженную также в (Летучий, Виклова / Letuchiy, Viklova 2020), согласно которой конструкция типа (11.) – это конструкция подъема, и дативная группа *ученому* изначально находилась в зависимой клаузе³:

11. *Ученому **странно** такое утверждать.*

Исходным видом конструкции надо считать (11'.):

11'. *Странно, если ученый такое утверждает / будет утверждать.*

Замечено, что предикатив может не присваивать своему дативному зависимому никакой семантической роли. В случаях типа (11.) дативные группы *ученому* – это не экспериенцеры при предикативе *странно*. Ситуация напоминает конструкции подъема, описанные Куликовым, Джекендофом (Culicover, Jackendoff 2001) и Полинской (Polinsky 2013) для английского и некоторых других языков. Участник получает роль в нижней клаузе, а затем поднимается наверх и при главном глаголе получает ту или иную синтаксическую позицию и падежное маркирование (если это понятие уместно для данного языка). Например, (12.) можно понять как ‘странно, если математик не дружит с логикой’, но поскольку актант *математик* выделен в глазах говорящего, он поднимается в главную клаузу.

12. *Математику **странно** не дружить с логикой.*

Стандартно зависимая клауза в конструкции с подъемом не заменяется на местоимение. При прономинализации оказывается, что выносятся актанту уже некуда – считается, что подъем происходит после того, как определен лексический состав (в том числе именные или местоименные средства выражения) данного высказывания. Именно поэтому невозможно или странно употребление местоимения *это* во второй части примеров типа (13.):

13. *Ученому **странно** такого не знать. – *Я тоже считаю, что ученому это **странно**.*

При этом, конечно, существуют и предикативы, у которых дативный контролер PRO присутствует в модели управления:

14. *Мне **уютно** сидеть на веранде.*

³ Возможны, несомненно, и другие точки зрения, согласно которым дативный актант при предикативе – это всегда его собственный актант, а не зависимое, поднятое из придаточного предложения.

Кроме того, инфинитив при предикативах не столь жестко привязан ко времени, как при глаголах. Он может обозначать не только одновременность, но и предшествование ситуации из главного предложения:

15. Андрей, тебе не было **стыдно** так опозориться с фонограммой? Почему вы не поете «живьем»? (<https://kr.ua/live/203163-santa-dymopulos-y-andrei-fylyppov-v-zvezdom-dome-my-ne-yhraly-a-zhyly-kak-schytaly-nuzhnym>)

16. – Агнесс, скажи, кому ты проиграла? – спросил он, ярко улыбаясь, что всех ввело в ступор, кроме сестры, которая понятилась назад, дрожа от страха. <...> – Марвику Фон Эдричу... – тихо ответила она, заплакав, ведь ей было очень **стыдно** проиграть этой продажной твари. (<https://ficbook.net/readfic/9196572/24461768>)

17. Рахимову было **неприятно** проиграть «Металлургу». (https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/Russia/premier_league/spbnews_NI464995_Rahimovu-bilo-nepriyatno-proigrati-Metallu/comments)

Например, в (17.) речь идёт о том, что тренеру Рахимову был неприятен проигрыш, который имел место до того, как возникла эта эмоция (до конца матча нельзя считать его проигранным). Напротив, для глаголов такое временное расположение событий стандартно невозможно. Так, при глаголе *надеяться* в русском языке инфинитив возможен только при следовании подчинённого события за главным:

18. Я надеюсь быть хорошим лингвистом.

19. Петя надеется не насажать ошибок в контрольной.

Предложение (18.) невозможно в значении ‘что я сейчас хороший лингвист’, а (19.) – в значении ‘что он вчера не насажал ошибок в контрольной’. Поскольку инфинитив не содержит маркеров времени, а по семантике относится к ирреальной зоне, естественно, что по умолчанию обозначенное им событие расположено в будущем. Именно будущее из временных локализаций ближе всего к ирреальной модальности.

Болгарские формы с *да*, которые стандартно употребляются в тех же контекстах, что и инфинитив, тоже коррелируют с временной локализацией. Когда настоящее время используется в придаточных предложениях после глаголов речи, ощущения, восприятия и умственной деятельности, действия в придаточном и главном предложениях являются одновременными, независимо от времени глагола в главном предложении (Ницолова / Nitsolova 2008: 279; Граматика / Gramatika 1983: 295). Эта особенность относится ко всем придаточным предложениям, вводимым с помощью *че*, *да*, *как*, *дали*.

20.а. Виждам (виждах), че Иван коси тревата.

б. Виждам Иван да коси тревата.

Я вижу (увидел), что Иван косит траву.

21. а. *Чух някой да влиза.*

б. *Чух, че някой влиза.*

Я услышал(а), как кто-то вошел в дом.

Важно отметить, что *да*-кляузы в предикатах непосредственного восприятия – *виждам* (видеть), *чувам* (слышать), *усещам* (чувствовать), имеют фактивную интерпретацию (Коева / Коева 2021: 20, см. подробнее в Асенова / Asenova 2002: 157). Это позволяет использовать *че* и *да* в одном контексте для указанных предикатов (см. примеры (20.–21.).

Формы настоящего времени после союза *да* могут также обозначать абсолютное действие – действие вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации. Основными случаями такого употребления являются следующие: а) когда форма настоящего времени входит в состав составного глагольного сказуемого, например, *мога да плувам* (могу плавать), *трябва да замина* (мне надо уехать), *започнах да излизам* (я начал выходить често); б) когда форма настоящего времени находится в аргументном – *искам да го видя* (я хочу это увидеть), или определительном – *идеята да напишем статия* (идея написать статью), *да*-предложения (Ницолова / Nitsolova 2008: 280). Важно отметить, что это употребление относится как к предложениям с глагольным предикатом в главной кляузе, так и к предложениям с предикативной конструкцией в главной кляузе.

22. *Обичате да експериментирате и често сменяте прическата си.*

Вы любите экспериментировать и часто меняете прическу.

23. *Интересно ми е да експериментирам и често сменям прическата си.*

Мне интересно экспериментировать и часто менять прически.

При этом в употреблении такого рода *да* не задаёт ограничений на референцию субъекта придаточного предложения:

24. *Обича да му е трудно.*

Он любит, чтобы ему было трудно.

25. *Не обичам да ме прекъсват, когато работя.*

Я не люблю, чтобы меня прерывали, когда я работаю.

Значение одновременности есть и у русских инфинитивных конструкций, однако различие заключается в конкретном классе матричных глаголов. В русском языке одновременность допустима только при глаголах типа *любить*, *нравиться*, *приятно*, то есть при предикатах, не ориентированных на будущее.

В болгарском языке глагол в зависимой кляузе может также обозначать событие, следующее за главным. Как отмечает К. Куцаров, в зависимых кляузах, в которых *да* имеет ирреальное проспективное значение, глагольная форма стоит в настоящем времени, а событие является последующим по отношению к событию в главной кляузе (Куцаров / Kutsarov 2002: 165, цит. по Коева /

Коева 2021: 23). С. Коева указывает на следующие типы предикатов такого рода: предикаты желания – *искам* (хотеть), *желая* (желать), *очаквам* (ожидать), достижения – *опитвам* (пытаться), *успявам* (добиваться успеха) и т. д., манипуляции – *моля* (просить), *умолявам* (умолять), *каня* (приглашать), *позволявам* (разрешать), а также иллокутивные предикаты манипуляции – *разпоряждам* (приказывать), *препоръчвам* (рекомендовать) и т. д. (Коева / Коева 2021: 23).

26. *Забранявам ти да ме прекъсваш.*

Я запрещаю тебе прерывать меня.

Как отмечает С. Коева, объект при большинстве предикатов, присоединяющих сентенциальные актанты с проспективным значением, является необязательным (Коева / Коева 2021: 24). Когда он выражен явно, объект кореферентен с субъектом придаточного предложения, как в (27.).

27. *Моля (ви) да ме изслушате.*

Я прошу (вас) выслушать меня.

Исходя из представленной теории, придаточное *да*-предложение при предикате *надявам се* (надеяться) в болгарском языке может иметь проспективную ирреальную интерпретацию:

28. *Иван_i се надяваше да го_i чуят.*

Иван надеялся, что его услышат.

Кроме этого, в болгарском предикат *надявам се* (надеяться) способен употребляться и в контекстах одновременности:

29. *Надявам се да ме разбирате.*

Надеюсь, что вы меня понимаете.

30. *Беше много отдавна, надявам се сега да имат вече* [хладилен транспорт].

Это было давно, надеюсь, что сейчас у них уже есть [рефрижераторный транспорт].

В последнем примере (30.) наречия *сега* (сейчас) и *вече* (уже) указывают на то, что предложение не несёт проспективного значения, а относится к настоящему времени. При этом при *надявам се* не обязательна кореферентность субъектов.

Тем не менее, в болгарском ограничение на употребление *да* менее строгое, чем на инфинитив в русском. В зависимой клаузе данные формы способны шире употребляться в контексте предшествования, поскольку сочетаются с разными видовременными формами глагола. При предшествовании употребляется форма с *да* + перфект:

31. *Надявам се вчера да не си стоял до късно?*

Надеюсь, что ты вчера не засиделся допоздна?

Можно сделать вывод, что, по сравнению с инфинитивом в русском языке, сентенциальные антанты с союзом *да* в болгарском языке имеют более широкую временную интерпретацию – они могут обозначать действие или состояние, имеющее место одновременно с действием / состоянием в главной клаузе, предшествующее ему или следующее за ним. Также для них возможно употребление в значении действия вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации.

5. Различие в употреблении инфинитива между предикативами и глаголами

5.1. Различие в употреблении инфинитива при предикативах и глаголах в русском языке

Хотя употребление инфинитива в целом регулируется типом контроля и семантическим классом, в некоторых случаях квазисинонимичные глаголы и предикативы различаются набором моделей управления в русском языке. В парах *радоваться – рад, приятно; грустить, расстраиваться – грустно, жалко; мерзнуть – холодно* предикативы способны принимать инфинитив, а для глаголов это невозможно.⁴

32. *Петя был рад меня видеть.* – **Петя обрадовался меня видеть.*

33. *Всем было грустно это осознать.* – **Все грустили / расстраивались это осознать.*

34. *Ей было холодно стоять, прислонившись к холодной стенке.* [Константин Симонов. «Случай с Польшинным», 1969] – **Он мерз стоять.*

При этом в некоторых случаях эмоциональные предикаты всё-таки допускают инфинитивные аргументы. Например, при глаголе *пугать* они допустимы. И если в (35б.) речь идёт о другом типе зависимого (об ирреальной, возможной ситуации), то в (35а.) и (36.) говорится о постоянно повторяющейся ситуации.

35. а. *Особенно его пугало смотреть в лица. Понять по выражению лица, кто еще жив, а кто давно умер, Шилов не мог.* [Антон Ветров. Возвращение домой // «Сибирские огни», 2013]

⁴ Отметим, что различие в механизмах контроля инфинитива анализируется в работах (Герасимова / Gerasimova 2015) и (Шушурин / Shushurin 2015), где предикативы считаются предикатами произвольного контроля. Однако специально различиям в финитности зависимого при глаголах vs. предикативах авторы этих работ внимания не уделяют: речь идёт именно о поведенческих различиях, например, в лицензировании отрицательных местоимений.

б. *Его почему-то пугало утро – пугало проснуться убийцей.* [Владимир Маканин. «Буква А», 1999]

36. *Вернее, меня тоже не слишком радовало проводить с Веркой свободное время, она вечно устанавливала во всех играх свои правила...* [Дарья Донцова. «Уха из золотой рыбки», 2004]

Тип контроля не объясняет этот контраст: если ориентироваться на него, следовало бы ожидать обратной картины. Ведь при глаголах *радоваться*, *грустить*, *расстраиваться* или *мерзнуть* субъект в (32.–34.) соответствует субъекту главного. Субъектный контроль распространён даже больше, чем косвеннообъектный, и часто является обязательным. Скорее причина в том, что, как показано в части 4, при предикативах контроль инфинитива является менее строгим. Возможно, при предикативах типа *рад* или *грустно* инфинитив – это не инфинитив контроля, а показатель обобщённой ситуации. Это объяснение подкрепляется семантикой таких конструкций. Глаголы, способные сочетаться с инфинитивом, обозначают не ирреальную ситуацию, как это свойственно инфинитиву, а повторяющуюся. Например, в (36.) эмоция *радовать* возникает параллельно зависимой ситуации *проводить с Веркой свободное время*, и эта связь эмоции и стимула постоянна. Как правило, конструкции такого рода в русском языке не имеют пары с матричным глаголом в совершенном виде.

37. **Его обрадовало провести с Веркой свободное время.*

38. **Его напугало посмотреть соседу в лицо.*

С этим связана другая причина: предикативы, как известно, стативны, а соответствующие глаголы обозначают временное, сильно переменное состояние, а некоторые динамические. По умолчанию состояние может быть как угодно локализовано относительно ситуации-стимула или причины: несмотря на то, что эта ситуация вызывает состояние, они могут существовать параллельно. Русские предикативы типа *приятно*, *грустно* выражают, так сказать, не дифференцированное состояние, состояние в чистом виде. Для глаголов характерно маркирование либо динамических ситуаций, при которых расположение подчинённого события гораздо более строгое, либо состояний, в большей мере привязанных к моменту времени: например, *радоваться* – это активная эмоция, которая реализуется полностью именно тогда, когда состояние имело место. При этом *радоваться* подразумевает и проявление эмоций, то есть несёт динамический компонент. Менее очевидно различие в случае *грустно* – *грустить*, однако и здесь *грустить* в большей мере, чем *грустно*, выражает конкретную эмоцию. Глагол *грустить* обозначает, что экспериенсер действительно чувствует грусть из-за конкретной имевшей место ситуации или положения дел. Напротив, *грустно* – предикатив, который находится на границе между эмоцией и оценкой: *Грустно это слышать* может обозначать, что некоторая ситуация абстрактно оценивается как грустная, а не актуально вызывает грусть у конкретного человека. Именно поэтому употребляется инфинитив обобщённой ситуации.

Различия проявляются, например, в следующем. Предикативы – как с сентенциальным зависимым, так и без него – способны без дополнительных показателей наклонения выражать ирреальность (39.). Если в конструкции употреблено местоимение, оно может отсылать не только к актуальной ситуации, но и к типу ситуации в целом. Для глаголов типа *радоваться*, *грустить*, *мёрзнуть* это понимание недоступно – по крайней мере, нехарактерно. В (40.) люди радуются именно реальной ситуации – сопротивлению дома в Сталинграде фашистам. В (41.) ситуация не референтна, однако речь идёт в отдельности о каждом дне рождения, и в каждом единичном случае он реален.

39. – *Это как с кошкой. – В смысле? – Когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени. – Вообще, это приятно.* [Андрей Геласимов. «Фокс Малдер похож на свинью», 2001]

40. – *Вот дом номер шесть дробь один держится, не сдаётся фашистам, – громко сказал Крымов. – Весь мир, миллионы людей этому радуются.* [Василий Гроссман. «Жизнь и судьба», часть 2, 1960]

41. *Человек постарел на год, стал ближе к могиле, а этому радуются, как празднику.* [Александр Морозов. Препринты (1985-2001) // «Знамя», 2002]

5.2. Употребление зависимых *да*-предложений при предикативах и глаголах в болгарском языке

В болгарском языке зависимые предложения с союзом возможны как с глагольными предикатами, так и с предикативами. Сентенциальные актанты вводятся с помощью комплементизаторов *да*, *че*, *дето*, *как*, *дали*.

42.а. *Радвам се да те видя.*

б. *Радвам се, че те виждам.*

в. *Радостно ми е да те видя.*

Рад тебя видеть / увидеть.

Существуют различия в сочетаемости глаголов и предикативных конструкций с определенными комплементизаторами. Например, глагол *радвам се* (радоваться) может иметь зависимые предложения с *да*, *че*, *дето*, *как*; предикативная конструкция *радостно ми е* может иметь зависимые предложения только с *да* и *че*. Однако конструкция без дательного дополнения *радостно е* имеет такую же сочетаемость с комплементизаторами, как и глагол *радвам се* (см. Джонова, Тишева / Dzhonova, Tisheva 2022). Совместимость предикативных конструкций с определенным типом сентенциальных актантов зависит от семантики главного предиката. Например, предикативы физиологического состояния – *студено ми е* (мне холодно), *топло ми е* (мне тепло), могут иметь в качестве сентенциального актанта только *да*-клаузу. Предикативы, обозначающие эмоциональное состояние – *радостно ми е* (мне радостно), *тъжно ми е* (мне грустно), могут иметь *да*

и *че*-клазу в этой позиции. В обоих типах предикативов утвердительные предложения могут выражать те же значения, что и матричные глаголы – действие или состояние, одновременное, предшествующее действию / состоянию в главной клаузе или следующее за ним. Они могут также выражать действие вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации.

Когда экспериенцер эксплицитно выражен в конструкции с предикативом и союзом *да*, он обычно кореферентен с субъектом подчиненного *да*-предложения.

43. *Не ти ли е студено да ходиш боса?*

Тебе не холодно ходить босой?

44. *Топло му е да ходи със сако и връзка.*

Ему тепло ходить в пиджаке и галстук.

45. *Тъжно му беше да живее в същите стаи, дето всичко му напомняше за нея.*

Ему было грустно жить в тех же комнатах, где все напоминало ему о ней.

Как и в русском языке, в конструкции с предикативом состояния может отсутствовать дативное местоимение, выражающее экспериенцера или субъекта оценки. В этом случае нет ограничений на подлежащее в зависимой *да*-клаузе – оно может быть референтным (46.–47.) или обозначать произвольное множество референтов, если глагол стоит в безличной возвратной форме (48.) или в генерической форме (49.).

46. *Прекалено студено е (ти) да стоиш тук навън без връхна дреха.*

Слишком холодно (тебе) стоять здесь без верхней одежды. /

Слишком холодно, чтобы стоять здесь без верхней одежды.

47. *Сигурно е тъжно (ти) да ни гледаш отстрани.*

Наверное, тебе грустно наблюдать за нами со стороны.

(букв. грустно, чтобы ты за нами наблюдала со стороны).

48. *Приятно е да се седи на слънце.*

Приятно сидеть на солнце.

49. *Радостно е да чувстваш приближаването на новата епоха.*

Радостно ощущать приближение новой эры.

Для предикатов ментального состояния зависимые *да*-клаузы возможны только при отрицании главного предиката – как при глаголах, так и при предикативах. В этом случае *да*-предложения обозначают возможность, предположение (см. подробнее Ницолова / Nitsolova 2001: 177). В отличие от других предикативов, здесь субъект зависимой клаузы может быть кореферентным с дательным экспериенцером (50.), но это не обязательно (51.). Придаточное предложение также может быть безличным (52.–53.).

50. *Не ми е известно (аз) да имам някакви магически сили.*

Мне неизвестно, обладаю ли я какими-либо магическими способностями.

51. *Не ми е известно някой да работи по това.*

Мне неизвестно, чтобы кто-то работал над этим.

52. *Не ни е известно да се работи по този въпрос.*

Мне неизвестно, чтобы кто-то работал над этим.

53. *Не ми е известно да има такова писмо.*

Мне не известно, что существует / существует ли такое письмо.

Обобщая, можно сказать, что использование зависимых *да*-предложений в болгарском языке зависит от семантики предикатива. Только при некоторых предикативах (физиологического и эмоционального состояния) подлежащее в зависимой клаузе кореферентно с дативным экспериенцером в главной клаузе, если он выражен там эксплицитно.

6. Нестандартные типы контроля

Типология контроля Б. Штибельс, кроме стандартных типов (субъектного, объектного и косвеннообъектного контроля), предусматривает несколько других типов (Stiebels 2007). Некоторые из них есть и в русском. Мы обсудим несколько периферийных явлений в сфере контроля инфинитива в русском языке (см. также Пекелис / Pekelis 2002) и выясним, насколько для них находят параллели в сфере конструкций с *да*.

6.1. Частичный контроль

Один из нестандартных типов контроля, возможных для русского инфинитива, – это частичный контроль: в этом типе часть референтов PRO в зависимой клаузе контролируется участниками из главной клаузы, а часть не имеет контролёра (кроме обзорной работы Stiebels 2007, см. Pearson 2016).

54. *Надъка, что называется, бабью склоку заводит. Нет того чтобы успокоиться на том, что **не хочу вместе питаться**. Она чувствует обиду. [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985–2002)]*

55. *Я не могу сегодня **встречаться** однозначно. Звоните.* (<https://forum.nedoma.ru/topic103-100.html>)

Ср. невозможные простые предложения с единственным числом и без выражения второго участника **он встретился*, **я питался вместе*.

В болгарском языке вопрос о типе контроля не вполне корректен, поскольку в языке нет инфинитива – специализированной формы для выражения кон-

троля PRO⁵. В этом смысле проблема контроля может быть сформулирована для болгарского, если разделить её на две проблемы:

1) Есть ли ограничения на референцию конструкций с *да* и *че* во всех случаях, когда в русском им соответствуют инфинитивные конструкции?

2) Есть ли отдельные глаголы, для которых референция конструкций с *да* и *че* ограничена?

Ответ на первый вопрос – явно отрицательный. Немало глаголов, при которых один и тот же тип дополнения употребляется и в контексте совпадения, и в контексте несовпадения субъектов.

56. *Наистина искам (те) да са ми приятели. Искам (аз) да им помогна, както ти обещах.*

Я действительно хочу, чтобы (они) были моими друзьями.

Я хочу помочь им (букв. ‘Я хочу, чтобы (я) помог им’), как я обещал тебе.

Глагол *искам* (хотеть) употребляется с *да* независимо от того, совпадают ли субъекты двух клауз. Второй вопрос явно получает положительный ответ. В отличие от формально маркированных конструкций контроля, которые связаны с системой глагольных форм конкретного языка, сами типы соотношений между субъектами в значительной мере универсальны. В частности, глаголы, которые Б. Штибельс (Stiebels 2007) называет «strict control verbs» (глаголы облигаторного контроля), то есть глаголы, при которых субъекты совпадают в силу самой семантики ситуации, в болгарском выделяются так же, как во многих других языках: это фазовые, модальные и некоторые другие глаголы.⁶

Замечание. Отдельный нетривиальный вопрос связан с тем, почему именно ирреальные маркеры преимущественно используются в контекстах кореферентности. Здесь существенны два соображения:

1) ирреальные ситуации зачастую существуют только в возможном мире, причем не как автономные референты, а как содержание мышления, речи или эмоций одушевленного участника;

⁵ Существует мнение, что в некоторых случаях употребления *да*-предложений в болгарском языке можно говорить о PRO см. (Кралева 1998).

⁶ Модальные глаголы нередко относятся к глаголам подъема, а не контроля. В частности, такое решение принимается в (Летучий, Виклова / Letuchiy, Viklova 2020) для глагола *мочь*. Однако здесь необходимо отдельно говорить о каждом типе модальности. Предложения со значением эпистемической модальности типа *Вода может быть холодная* или *Его мог никто не заметить* действительно близки по свойствам к конструкциям подъема (исходными конструкциями в таком случае являются *Может быть, что вода холодная* или *Могло быть (так), что его никто не заметил*). Напротив, рассматриваемые ниже конструкции типа *Сегодня я не могу встретиться*, судя по всему, не обнаруживают существенного свойства с конструкциями подъема.

2) в силу этого ирреальные ситуации не привязаны к какому-либо временному расположению или к каким-либо аспектуальным характеристикам. Следовательно, им не слишком необходима развитая категория времени или аспекта.

Во-первых, это значит, что именно при ирреальных формах мы ожидаем ущербных категорий времени и аспекта – и, возможно, как следствие из этого, также категории лица, которая часто встроена в категорию времени, как в русском и болгарском. Во-вторых, если даже ирреальная форма обладает полноценными временными и личными противопоставлениями, тот факт, что она выражает не реализованную ситуацию, делает вероятной естественную интерпретацию: данная ситуация возникает в воображении у одного из участников, причем гипотезы участник обычно строит именно относительно своих собственных действий и состояний.

В болгарском языке мы не можем говорить об инфинитивном контроле по причине отсутствия инфинитива. Однако есть исследования, которые показывают, что некоторые глаголы требуют кореферентности субъектов зависимой *да*-клаузы с одним из актантов в главном предложении. Й. Пенчев отмечает, что модальные – *трябва* (надо), *мога* (мочь), *бива* (стоит), и фазовые глаголы – *започвам* (начинать), *продължавам* (продолжать), *преставам* (переставать), относятся к обширной группе глаголов, допускающих союз *да* (не *че*) в качестве связки с последующим глаголом. Они не имеют собственного или различного (от следующего) субъекта, а также аргументов, выраженных существительными. Есть и другие глаголы, где совпадение субъекта в главной и зависимой клаузе обязательно – *забравям* (забывать), *възнамерявам* (собираться), но они могут иметь существительные в качестве аргументов (Пенчев и др. / Penchev et al. 1999: 550–551).

С. Коева также обсуждает возможность рассматривать модальные и фразовые глаголы как самостоятельные предикаты, а не как часть составного глагольного предиката. Автор рассматривает два типа предикатов: те, которые присоединяют придаточное предложение в позиции субъекта – *може* (можно), *трябва* (надо), *необходимо е* (необходимо), *възможно е* (возможно) и т. д., и те, которые присоединяют придаточное предложение в позиции объекта – *мога* (мочь), *започвам* (начинать), *продължавам* (продолжать), *стирам* (прекращать) и т. д. В первой группе нет ограничений на интерпретацию подчиненного субъекта. Во второй группе наблюдается полная зависимость интерпретации временных характеристик зависимого предиката от временных характеристик главного предиката (одновременность ситуации, выраженной зависимым предикатом, с ситуацией, выраженной главным предикатом) и обязательная кореферентность субъекта зависимой клаузы субъекту матричного предиката. Субъект может быть эксплицитно выражен как в главной, так и в зависимой клаузе (Коева / Коева 2021: 24)⁷.

⁷ Здесь мы не приводим аргументы, которые приводятся в работе С. Коевой, в пользу разного расположения субъекта в (57.а.) и (57.б.).

57.а. *Торбов започва да пише стихове и разкази.*

б. *Започва да пише стихове и разкази Торбов.*

Торбов начинает писать стихи и рассказы.

По-видимому, данное различие между классами – бóльшая строгость поведения второй группы – связано с тем, что во второй группе, в отличие от первой, придаточное занимает при матричном глаголе иерархически более низкую позицию, чем именной актанта, – поэтому субъект зависимой клаузы легко может контролироваться именной актанта (субъектом) главной клаузы.

Эти наблюдения можно дополнить выводами, сделанными П. Осеновой при представлении типов структур субъектного контроля в автоматически размеченном парламентском корпусе болгарского языка. Осенова описывает такие глаголы, которые не допускают другого субъекта глагола зависимой клаузы, кроме совпадающего с главным (это явление аналогично «строгому контролю» в инфинитивных клаузах): когнитивные глаголы *уча се* (учиться), *пропусна/пропускам* (пропустить/пропускать); социальные глаголы: *опитам се/опитвам се* (попытаюсь/пытаться), *принудя се/принуждавам се* (заставить/заставлять), *задължа се/задължавам се* (обязаться), *рискувам* (рисковать); глаголы изменения: *готвя се* (готовиться); глаголы коммуникации: *откажа/отказвам* (отказать/отказывать) (Osenova 2022: 72). Основываясь на проанализированных корпусных данных, П. Осенова подчеркивает важную роль диатезы. В качестве примера она указывает на употребление глагола *задължавам* (обязывать), требующее кореферентности субъекта придаточного предложения субъекту главного. Во всех примерах эти употребления глагола находятся в рефлексивном пассиве – *Общината се задължава да извърши проверка* (Муниципалитет обязан провести проверку) (Osenova 2022: 72).

В данных неформального интернет-общения встречаются единичные примеры с глаголом *мога* (мочь) без согласования референтов главного и подчиненного сказуемых.

58. *Яд ме е, защото 1 път на година да не мога да се видим, когато на него му е удобно.*

Зло берет, как это так – 1 раз в год не могу с ним видиться, когда ему удобно.

В приведенном примере *мога* (мочь) используется со значением ‘это возможно для меня, я в состоянии’, что позволяет использовать его в данной конструкции без совпадения субъектов. Ср. литературное *Веднъж да нямам възможност да се видим, когато на него му е удобно* (Хоть раз не иметь возможности видеть его, когда это ему удобно).

Если в русских конструкциях типа *Я не могу встретиться* формального рассогласования не происходит, в болгарском различие по числу очевидно. Тем не менее, примеры такого рода являются сильно разговорными. В литературном языке модальные и фазовые глаголы сохраняют свою референцию.

Кроме глаголов, ещё один тип случаев, где при *да* ограничивается референция подчинённого субъекта, представлен предикативами – теми из них, которые обозначают физическое или эмоциональное состояние (см. 5.2.). Часто оказывается, что при предикативах *че* не несёт ограничения на референцию подчинённого субъекта, а на *да* такое ограничение налагается:

59. *Беше ни страх да палим огън.*

Мы боялись разжигать огонь.

60. *Яд ме е да го гледам.*

Я испытываю злость, смотря на него.

Тем не менее, строгость ограничения различна для разных групп предикативов, это может быть строгое синтаксическое правило или просто тенденция. Например, приведённые выше эмоциональные предикаты чаще встречаются с кореферентностью, однако допускают и конструкцию с различием субъектов.

61.а. *Страх ме е да не му се случи никакво нещастие.*

Я боюсь, что с ним случится какое-нибудь несчастье.

Однако эти случаи требуют дальнейшего исследования, поскольку если подлежащее в зависимой клаузе не соотносится с аккузативным дополнением в главной клаузе, то подчиненное сказуемое должно быть в отрицательной форме и обозначать нежелательную возможность. Такие *да*-предложения эквивалентны придаточному с *че*, но разница состоит в том, что союз *че* не вносит значения нежелательной возможности:

61.б. *Страх ме е, че може да му се случи никакво нещастие.*

Я боюсь, что с ним может случиться какое-нибудь несчастье.

6.2. Совмещённый контроль

Ещё один нестандартный тип референции PRO – это совмещённый контроль, при котором все референты PRO контролируются сверху, однако одни – субъектом главной клаузы, а другие – объектом. В русском языке главный матричный предикат совмещённого контроля – глагол *предлагать*.

62. *При встрече Володя Ухин предложил мне объединить наши усилия: «Ты ведь плавал, у тебя наверняка есть интересные фотографии, есть что и рассказать».* [Юрий Сенкевич. «Путешествие длиною в жизнь», 1999]

Хотя *предлагать* обозначает каузацию, эта каузация – мягкая, предполагающая обоюдные действия со стороны говорящего и адресата. Поэтому и возможен совмещённый контроль. При глаголах типа *приказать*, *велеть*, *заставить*, *вынудить*, где акцент ставится на каузации действий адресата, PRO тоже контролирует адресат. Тем не менее, в редких случаях при *попросить* тоже возможен совмещённый контроль (64.) и (65.).

63. **Володя Ухин приказал мне объединить наши усилия.*

64. *Мы познакомились в Бангкоке, летели сюда одним самолетом. Теперь он на обратном пути из Джакарты, попросил встретиться.* [Валериан Скворцов. «Сингапурский квартет», 2001]

65. *Весной 2016 года позвонил председатель правления «Татфондбанка» Мусин, попросил встретиться и обсудить заключение договора залога...* (<https://realnoevremya.ru/articles/168280-gzhf-rt-sovershil-sdelku-vopreki-zakonu-i-ustavu>)

В болгарском языке глагол *помоля* (попросить) рассматривается в группе предикатов, у которых сентенциальные актанты имеют конъюнктивное толкование (Коева / Коева 2021: 23). Именно по этой причине *помоля* (попросить) допускает только придаточное *да*-предложение. Субъект придаточного предложения может совпадать с объектом главного предложения (когда он выражен):

66. *Той (ме) помоли (аз) да му помогна.*
Он попросил (меня) помочь ему.

В зависимой клаузе также возможно использование взаимного глагола (*видим се* (увидеться)) в примере (67.). В этом случае субъект в зависимой клаузе соотносится как с субъектом, так и с объектом в главной клаузе, аналогично (65.) в русском:

67. *На следващият ден той се обади и ме помоли да се видим.*
На следующий день он позвонил и попросил меня встретиться.

Надо сказать, что, при одинаковом типе кореферентности русской конструкции в (65.) и болгарской в (67.), частотность болгарской конструкции *Той я помоли да се срещнат* (Он попросил ее встретиться) явно выше, чем у русской *Он попросил ее, чтобы они встретились; Попросил меня, чтобы мы встретились*. В то же время конструкции типа *попросил меня встретиться* почти всегда употребляется с предлогом *с* (ср. (68.)) – а значит, большинство примеров представляют собой стандартный объектный, а не совмещённый контроль предложения (64.–65.) – это одни из немногих исключений).

68. *Да, он попросил меня встретиться с ним.*

По-видимому, в русском жёстко противопоставлены инфинитив как маркер совпадения актантов и *чтобы* как маркер несовпадения. При этом между ними остаётся «слепая зона», не покрываемая полностью ни одной из стратегий: *Он попросил меня встретиться* не соответствует стандартному объектному контролю, а *Он попросил меня, чтобы мы встретились* нестандартно, поскольку оба участника – субъект и адресат – являются общими для двух ситуаций (ср. примеры типа *Он попросил меня, чтобы мы с его братом встретились*, где употребление *чтобы* нормально). Это позволяет данной стратегии использоваться только при частичном совпадении актантов.

69.30 июня Вильсон попросил встретиться со мной без участия членов делегации ... [Анастас Микоян. «Так было», 1971–1974]

В болгарском же главный предикат определяет тип зависимой клаузы и (отчасти) кореферентности участника в ней с участником в главной клаузе. Глаголы типа *помоля* (попросить) имеют конъюнктивную интерпретацию, поэтому они могут иметь в качестве сентенциального актанта только *да*-предложение. Это также связано с возможностью полной или частичной кореферентности между объектом матричного глагола и субъектом в зависимой клаузе.

6.3. Сдвиг контроля

Согласно Б. Штибельс (Stiebels 2007), для некоторых глаголов возможен сдвиг контроля («control shift») – то есть PRO может быть кореферентно не тому участнику, который контролирует его стандартно, а другому участнику главной клаузы. В частности, в немецком к этому способны глаголы *versprechen* (обещать) и *beten* (просить).

В русском сдвиг контроля сравнительно редок, но встречается. Например, для глагола субъектного контроля *обещать* возможен сдвиг – употребление в качестве глагола объектного контроля. Исходная конструкция и конструкция со сдвигом не равноценны: так, в примере *Она мне обещала туда поехать* объектный контроль (если поеду я) выглядит как разговорный, тогда как интерпретация ‘она туда поедет’ со стандартным субъектным контролем – нормативная.

В болгарском языке, как говорилось выше, есть предикаты (в особенности предикативы, например, *страх ме е*), которые обычно следуют одному типу контроля и меняют его редко. Однако очень многие глаголы – например, глагол *обещая* (обещать) допускает придаточное предложение с союзом *да* или *че*, которое вообще не ограничено по референции. В примере (70.) субъект главного предложения совпадает с субъектом придаточного предложения. В следующем примере (71.) множественный субъект формы *излезем* (мы выйдем) в зависимой клаузе совпадает с субъектом и объектом в главной клаузе. Субъект в зависимой клаузе может совпадать с объектом в главной клаузе (72.) или вообще не совпадать ни с одним из актантов в главной клаузе (73.). Во всех употреблениях *обещая* дополнение в главной клаузе не является обязательным аргументом, как у глаголов группы *моля* (просить) (см. Коева / Коева 2021: 24).

70. Симеон ми обеща да ме запознае с едно момиче, което работи там.

Симеон обещал познакомить меня с девушкой, которая там работает.

71. Нали вчера ми обеща да излезем само двамата?

Разве ты не обещал мне вчера, что мы пойдем куда-нибудь вдвоём?

72. Беше ми обещал да взема от него разни програмки.

Он обещал мне добыть разные программки.

(букв. ‘что я от него получу разные программки’).

73. *Обещах му да си изтеглиш жалбата от прокуратурата.*

Я обещал ему, что ты отзовешь свою жалобу из прокуратуры.

Из изложенных в этой части данных можно сделать вывод, что система контроля и референции в русском и кореферентность актантов в болгарском устроена по-разному. Различия есть не только в сфере конкретного лексического распределения стратегий управления, но и в устройстве системы в целом.

Основное различие состоит в следующем. Для русского языка и инфинитивные, и финитные зависимые (со *чтобы* и *что*) имеют сходные черты при разных глаголах. Конкретный тип контроля инфинитива может быть разным, однако сохраняется общая черта: инфинитив при глаголах – это инфинитив контроля, и нарушения контроля возникают сравнительно редко. Зависимые со *чтобы* стандартно не предполагают контроля и вообще кореферентности. При этом граница в русском пролегает между глаголами и предикативами – при последних требование контроля, как мы показали, гораздо менее строгое.

В болгарском же языке ключевое значение имеет семантика главного предиката. В частности, ирреальные предикаты типа *искам* (хотеть), при которых всегда используется *да*, не требуют совпадения актантов главной и зависимой клауз, а при некоторых других лексемах – например, при предикативах типа *страх* (*страх ме е* (боится)) – тенденция к кореферентности есть, поскольку при отсутствии кореферентности часто используется показатель *че*.

7. Заключение

Системы маркирования сентенциальных зависимых в русском и болгарском языках существенно различаются. В основе этих различий лежит отсутствие в болгарском противопоставления между инфинитивом как формой, обозначающей кореферентность актантов, и финитным зависимым, не требующим кореферентности. В русском, напротив, такая дихотомия есть.

Производными от данных являются ещё некоторые различия. В частности, в болгарских конструкциях с *да*, наряду с опущением зависимого субъекта, возможно его эксплицитное выражение. Вероятно, между конструкциями с двойным и с одинарным выражением существует различие в слитности ситуаций и в степени влияния матричного субъекта на зависимую ситуацию – такое же, как в русском между стандартной конструкцией субъектного контроля инфинитива и нестандартными вариантами со *чтобы* и совпадающим субъектом. В частности, при конструкциях с высокой слитностью клауз вариант с повтором вообще невозможен.

Хотя контроль в русском и кореферентность актантов в болгарском близки и по таксономии, и по лексическому распределению, иногда между языками наблюдаются различия. При этом отклонения от стандартного типа контроля (например, от строгого контроля) скорее характерны именно для болгарского, а

в русском строгий контроль чаще всего сохраняется – вероятно, в силу того, что контроль в болгарском не имеет грамматического выражения в форме глагола, а реализуется только в кореферентности участников (и, в некоторой степени, в выражении / опущении зависимых субъектов). Впрочем, многие конструкции с периферийными типами кореферентности и нестандартным соотношением актантов принадлежат лишь разговорному болгарскому языку.

Между предикативами и глаголами в русском языке существует различие в управлении инфинитивом. Предикативы типа *радостно, приятно, грустно, холодно* способны управлять инфинитивом, а однокоренные и (квази)синонимичные глаголы – нет. Мы связываем это с тем, что предикативы в меньшей степени связаны с конкретной временной локализацией и конкретными проявлениями состояния. Поэтому инфинитив при них был бы показателем модальности и кореферентности актантов, что нехарактерно для данных семантических групп (эмоций и физического восприятия). Напротив, при предикативе инфинитив способен маркировать обобщённый ярлык ситуации, а значит, не столь тесно связан с семантической группой.

Различие между предикативами и глаголами в управлении *да*-конструкцией имеется и в болгарском. При предикативах *да*-конструкция в меньшей мере допускает некорреферентное прочтение. При этом в болгарском языке свойства зависимой клаузы, в том числе *да*-клаузы, очень в большой мере обусловлены семантикой главного предиката, тогда как в русском основной фактор – это скорее совпадение актантов: кореферентность подлежащих главной и зависимой клаузы или другой тип кореферентности.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитируемая литература / References

- Asenova 2002: Асенова, П. *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз*. София: Faber. (Asenova 2002: Asenova, P. *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na balkanskiya ezikov sayuz*. Sofia: Faber.)
- Culicover, Jackendoff 2001: Culicover, P., R. Jackendoff. Control is not movement. – In: *Linguistic Inquiry*, № 32, pp. 32–49.
- Dzhonova, Tisheva 2022: Джонова, М., Й. Тишева. Аргументна структура на някои двойки психологически предикати и предикативи. – В: *Български език*, 69, Приложение, с. 390–410. (Dzhonova, Tisheva 2022: Dzhonova, M., Y. Tisheva. Argumentna struktura na nyakoi dvoynki psihologicheski predikati i predikativi. – In: *Balgarski ezik*, 69, Prilozhenie, pp. 390–410.)

- Gerasimova 2015: Герасимова, А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. – В: Е. Лютикова, А. Циммерлинг и М. Коношенко (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции ТМП-2015*. Вып. 2. Москва: Издательство МПГУ, с. 47–61. (Gerasimova 2015: Gerasimova, A. A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenij cherez granitsu infinitivnogo oborota v russkom yazyke. – In: E. Lyutikova, A. Zimmerling i M. Konoshenko (red.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii TMP-2015*. Vyp. 2. Moskva: Izdatel'stvo MPGU, pp. 47–61.)
- Gramatika 1983: *Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2 Морфология*. София: Издателство на БАН. (Gramatika 1983: *Gramatika na savremennia balgarski knzhoven ezik. T. 2 Morfologia*. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Hopper, Thompson 1980: Hopper, P., S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. – In: *Language*, № 2, pp. 251–299.
- Koeva 2021: Коева, С. Към типологичен анализ на комплементността в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*, т. 2, София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 13–27. (Koeva 2021: Koeva, Sv. Kam tipologichen analiz na komplementnostta v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*, vol. 2, Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 13–27.)
- Koeva et al. 2012: Koeva, S., I. Stoyanova, S. Leseva, T. Dimitrova, R. Dekova, E. Tarpomanova. The Bulgarian National Corpus: Theory and Practice in Corpus Design. – In: *Journal of Language Modelling*, Vol. 0, No. 1, pp. 65–110.
- Konig, Haspelmath 1995: König, E., M. Haspelmath (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Krapova 1998: Krapova, I. Subjunctive complements, null subjects and case checking in Bulgarian. – In: *University of Venice Working Papers in Linguistics*, vol. 8, № 2, pp. 73–93.
- Kulikov 1999: Kulikov, L. Split causativity. Remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense. – In: W. Abraham and L. Kulikov (eds.), *Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, pp. 21–42.
- Kutsarov 2002: Куцаров, К. Да като константен сигнализатор за следходност. – В: *Езикът: история и съвременност*. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, с. 161–166. (Kutsarov 2002: Kutsarov, K. Da kato konstanten signalizator za sledhodnost. – In: *Ezikat: istoriya i savremennost*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo “Episkop Konstantin Preslavski”, pp. 161–166.)
- Letuchiy, Viklova 2020: Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений). – В: *Вопросы языкознания*, 2, с. 31–60. (Letuchiy, Viklova 2020: Letuchij A. B., A. V. Viklova. Pod'em i smezhnye yavleniya v russkom yazyke (preimushhestvenno na materiale povedeniya mestoimenij). – In: *Voprosy jazykoznanija*, 2, pp. 31–60.)
- Nitsolova 2001: Ницолова, Р. Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език. – В: *Съвременни лингвистични теории*.

- Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, с. 174–192. (Nitsolova 2001: Nitsolova, R. Znamenie i gramatichni osobenosti na slozhnite izrechenia s predikati za znanie v balgarskia ezik. – In: *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, pp. 174–192.)
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. (Nitsolova 2008: Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”.)
- Osenova 2022: Osenova, P. Raising and Control Constructions in a Bulgarian UD Parsebank of Parliament Sessions. – In: *Proceedings of the 5th International Conference Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2022), 8 – 9 September, Sofia, Bulgaria*. Sofia: Institute for Bulgarian Language, pp. 68–74.
- Paducheva 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры. (Paducheva 2004: Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.)
- Pearson 2016: Pearson, N. The semantics of partial control. – In: *Natural language and linguistic theory*, № 34, pp. 691–738.
- Pekelis 2002: Пекелис, О. Е. *Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля)*. *Дипломная работа*. Москва: РГГУ. (Pekelis 2002: Pekelis, O. E. *Subjekt zavisimogo infinitiva v russkom i ital'janskom yazykah (problema kontrolya)*. *Diplomnaya rabota*. Moskva: RGGU.)
- Penchev et al. 1999: Бояджиев, Т., Ив. Куцаров, Й. Пенчев. *Съвременен български език*. София: ИК „Петър Берон“. (Penchev et al. 1999: Boyadzhiev, T., Iv. Kutsarov, Y. Penchev. *Savremenен balgarski ezik*. Sofia: IK „Petar Beron“.)
- Polinsky 2013: Polinsky, M. Raising and control. – In: den Dikken, M. (ed.). *The Cambridge Handbook of Generative Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 577–606.
- Stiebels 2007: Stiebels, B. Towards a typology of complement control. – In: *ZAS Papers in Linguistics*, № 47, pp. 1–80.
- Shushurin 2015: Шушурин, Ф. Г. *Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков)*. *Дипломная работа*. Москва: МГУ. (Shushurin 2015: Shushurin, F. G. *Proizvol'nyj kontrol' v nefinitnykh klauzax (na material russkogo i finskogo jazykov)*. *Diplomnaja rabota*. Moskva: MSU.)
- Tisheva 2001: Тишева, Й. Подчинително свързване в сложното изречение. Комплементизаторите в българския език. – В: *Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, с. 164–173. (Tisheva 2001: Tisheva, Y. Podchinitelno svarzvanе v slozhnoto izrechenie. Komplementizatorite v balgarskia ezik. – In: *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, pp. 164–173.)

Infinitive and finite complement clauses in Russian and their correspondences with the complementizers *че* and *да* in Bulgarian

Alexander Letuchiy^a, Marina Dzhonova^b,

National Research University Higher School of Economics, Moscow^a,

Sofia University St. Kliment Ohridski^b

alexander.letuchiy@gmail.com^a, djonova@slav.uni-sofia.bg^b

Abstract

The article compares the distribution of complementation strategies in Bulgarian and Russian. In Russian, the opposition of finite complements (introduced primarily by *что* and *чтобы*) is opposed to infinitive complements. In the default case, the former do not mark coreference, while the latter are used in contexts involving coreference between the main and the embedded clause arguments, although this is not always the case. Bulgarian lacks infinitives, thus, it has no non-finite complement forms. However, the infinitive functions are, to a great degree, fulfilled by *да*-complements, as opposed to *че*-complements. The significant differences observed in the data are due to the presence of the finite verb in the complement clauses introduced by the complementizer *да*. As we demonstrate, the opposition between *что* / *чтобы* and the infinitive in Russian and the difference between *че* and *да* in Bulgarian have a lot in common, although only Russian infinitive clauses are non-finite in the strict sense. To demonstrate this, we examine the relation between various strategies of complementation, coreference and tense, and show how different complement types exhibit non-standard types of syntactic control.

Key words: *modal verbs, phase verbs, predicatives, infinitive, tense, irreality, partial control, split control, strict control, coreference*

Alexander Letuchiy
School of Linguistics
National Research University
Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya St.
Moscow, 105066 Russia
alexander.letuchiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4151-2550>

Marina Dzhonova
Faculty of Slavic Studies
Sofia University St. Kliment Ohridski
15 Tsar Osvoboditel Blvd.
Sofia, 1504 Bulgaria
djonova@slav.uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0001-7336-5674>